Отец в детстве рассказывал о том, как первые джинны пришли на Материальный план. Началось все с того, что гении устроили войну с младшими богами за доступ к мирам смертных. Сражение могущественных существ, равных друг другу по силам, приводило Астральный план к катастрофическому состоянию. Казалось, ткань реальности не выдержит могущества участников войны, грозя гибелью всему живому.

В те далекие времена Астральный план представлял собой хитросплетение коридоров, ведущих из одного плана в другой. Будь то владения демонов или гегемония фей, великое пространство связывало разные, по сути, миры. Так в безграничное ничто попали первые фрагменты иных измерений. Пустота растворилась в зарождающемся хаосе, превращаясь в полноценный мир. Изнанку реальности.

Миры переплелись с Астральным планом, поэтому он стал неотъемлемой частью вселенной, и его уничтожение влекло за собой аннигиляцию всего. Бои же между гениями и богами не прекращались. Бессмертные плевали на риск схлопывания реальности. Какая разница, когда умрут низшие расы: сейчас, через сто лет или через тысячу? Жажда власти и желание подчинить себе все и вся, защитить это от других играли на гордыне и алчности высших сущностей. Так прошли столетия, прежде чем боги получили преимущество в войне.

Хазир Айнур ибн Захир — военачальник Гениев из ифритов — сокрушительно проиграл битву нескольким богам и бежал в мир смертных. Противники нагнали его быстрее, чем тому удалось спрятаться. В наказание и назидание остальным боги заточили ифрита в найденном неподалеку предмете, после чего тот оказался брошен в бескрайней пустыне, окруженный стенами крошечной тюрьмы — ржавой масляной лампы.

Гении терпели поражения одно за другим. Жестокость богов не знала границ: тех, кто не успевал сбежать, ждало распыление по просторам космоса. Так, по преданиям мудрецов, из праха погибших зародились далекие звезды. Что до тех, кому удалось избежать гибели, то новое пристрастие богов привело к повальной моде на пленение гениев в разнообразном ширпотребе смертных. Следом за великим Хазиром в подсвечники и чайники попали дао, мариды и джинны.

Любое проклятье по закону Мироздания и Верховного бога должно иметь "наказание" и "искупление".

Наказание для гениев звучало так: "Всякий джинн, дао, марид и ифрит будет заточен в своей темнице тысячу тысяч лет. И ничто не даст сбежать тому, кто заключен волей богов, ни заклятье, ни воля другого бога, ни сила пленника."

Когда гении узнали строки "Наказания", то все участники войны пришли в ужас. Рисковать свободой, величайшей драгоценностью бессмертных высших существ, уподоблялось греху и безумию. Тысячи лет, которые могли быть прожиты в роскоши и благодати, наводили морок на жителей элементальных планов, армии султанов и визирей роптали. Никто не желал воевать, боясь угодить в страшнейшую из тюрем.

Как уже известно, для наказания всегда должно быть искупление. И с каким страхом гении встретили условия заточения, с таким же отчаянием им пришлось столкнуться с условиями высвобождения. "Гений, возжелавший искупить вину перед богами, должен смирить гордыню, гнев, и алчность. Пусть вставший на путь искупления отринет свои желания и исполнит чужие. Всего три желания, чтобы вырваться из пут вечного заточения."

Гордость для гениев то же самое, что любовь для смертных. Это дыхание и биение сердца,

высшие существа почитали статус превыше жизни. Опуститься до игрушки, которая даст кому-то, чего душа желает? Многие из пленников предпочли дождаться, когда срок заточения подойдет к концу. Гении выбрали тюрьму служению воле смертных, и величайшие из них приняли поражение так, как велит судьба.

Мариды лишились ласки воды, ифриты попрощались с игривым огнем и жаром удовольствий, дао мирились с объятьями ржавого металла ламп, а джинны… Джинны отказаться от воздуха не смогли. Небесные просторы манили их больше, чем любая из родных стихий других гениев.

Мои предки отказались от гордости, чтобы быстрее оказаться на свободе.

Среди смертных пошла легенда о том, что найденный джинн в лампе подарит три желания тому, кто пообещает его освободить. Изначально там шла речь обо всех гениях, но молва о том, что ифриты жгут спасителей, дао превращают их в камень, а мариды иссушивают жертв, быстро разошлась по земному краю. Только джинны не убивали смертных. Вскоре на Воздушные планы возвратились почти все герои минувшей войны.

На устах смертных до сих пор ходит предание о трех желаниях, которые подарит джинн. И Мироздание вняло этим словам, как закону. Что произошло тогда? Нет, джинны не стали рабами желаний, но вот их сила загадывать все, что угодно — достигла абсолюта. Теперь там, где иному гению нужно приложить ума и сил, чтобы не погибнуть под катком Мироздания от запрошенного *Желания*, джинны ощущали себя подобно птице в небе. Свободно.

***

Улыбка зазмеилась на лице, когда я увидел взгляд Николая.

Чародей округлил глаза, брови поползли вверх, из-за чего лицо разгладилось от любых морщин. Он робко вгляделся, тело покачнулось, следуя за крадущимся движением. А затем раздался хохот, отскакивающий от стен и потолка.

— Серьезно? Первое желание? Тогда, можно загадаю еще два?

— Так быстро? — Я хмыкнул. Пальцы массировали ладонь, приводя мысли в покой. — И что же у вас за желание, Николай?

На краткий миг по комнате разносилось лишь бульканье кальяна, а с ним и сипение от вырывающегося наружу пара. Симулякр валялся на диване и курил, из кончика трубки тянулась паутинка, уходящая вверх. Становилось жарковато.

Николай посмотрел на симулякра, последовал вопрос:

— Господин Наследник, я бы с радостью пожелал победу Белой армии в войне, но не думаю, что вы осилите такое.

Моя бровь стрельнула к потолку.

— Вот как? Смертные… часто сомневаются. Иначе ваши жизни слишком быстро обрываются от всяких пустяков. Болезни, предательства, горечь. Ни один нормальный джинн не позволяет себе тосковать до смерти. Но у вас, людей, получается умирать слишком хорошо. — Николай покосился на меня, брови смежились. И я бы не заметил, как сжались у того кулаки и желваки, будь поза менее вызывающей. — Я действительно могу помочь в войне, но что я получу взамен? Деньги и богатство? Скажи, Николай, разве я похож на того, кто бедствует?

— Тогда к чему этот разговор? — Пробурчал тот. Николай гранитной скалой нависал над столом, костяшки пальцев добела впились в дерево. — Я прошу вас о помощи, и вы соглашаетесь. Рассказываете о желаниях, но из ваших уст это прозвучало, как издевательство. Знаю, вы не человек, возможно, даже не живое существо в привычном понимании. Поэтому меня вводит в заблуждение каждое ваше слово, каждая фраза. Объясните, что вам нужно и почему хотите мне помочь, и потом, когда до меня дойдет ход ваших мыслей, мы сможем прийти к соглашению.

Внутри меня теплилась мысль о том, как гладко все идет. Я отвернулся от чародея, чтобы дать улыбке выплеснуться наружу. Затем, пока Николай не заподозрил неладное, я обернулся. И наружу выползло наигранное недовольство:

— Слишком дерзкие слова для человека. Прийти к соглашению… Мы могли бы прийти к соглашению, будь мы хоть немного равны. По статусу. По силе. — Отчетливо заскрипели зубы чародея. Со стороны Арона прилетела усмешка. — Я скажу прямо, Николай. Ты мне должен. Службу за жизнь — такие дела.

Он перебил меня.

— Ты. — Зрачки мага горели огнем, а челюсть едва ли не сводило от судорог. По лицу пробегали всполохи, а на висках собирались посиневшие вены. Николай сплюнул под нос ругательство. С грудным вздохом раздалось. — Я знал. Знал, чем это закончится, сделкой с дьяволом! Меня предупреждал Самойлов, чтобы я не верил тебе. Но ты… — Он проглотил оскорбление. — Допустим. Ты действительно вернул меня к жизни, ты вправду помог нам однажды. Возможно, ты ни разу не соврал о своем могуществе. Тогда, какую цену ты запросишь за то, чтобы помочь нам избавиться от революционеров?

— Не тебе об этом беспокоиться. — Николай было вскинулся. — Успокойся, буйный шакал! И послушай, что я скажу. Ты будешь служить десять лет — ни много, ни мало. Ваш мир загадочен, но оттого не менее прекрасен. Я жажду узнать тайны, которые скрывает планета, меня интересует культура народов. Я жажду знаний. Помоги мне. И, в зависимости от того, насколько ценной окажется помощь, я исполню твои желания.

Сознания коснулась чужая мысль. Арон телепатически связался со мной. Каменное лицо симулякра не читалось со стороны, но за его выражением бушевало беспокойство.

— Это твой план? Раскроешь ему наши мотивы? Я ожидал от тебя большего, брат.

К Арону потянулся мысленный ответ.

— Мы уже натворили дел без человека, знакомого с местными реалиями. Туземец будет полезней живым, чем мертвым. Помощник нам нужен.

— У нас есть Мстислава. — Рядом хмыкнули. Николай заметил, как мы переглядывались, но изо рта не вырвалось ни слова. — Я не доверяю ему.

— Как и я. Поэтому мы используем *Обет*. — Арон скосил глаза в сторону. Спустя секунду последовал кивок. — Сдвоенное заклинание сработает как цепи, они не позволят чародею ни навредить нам, ни сбежать.

Арон изогнул губы под впечатлением. С хорошей затяжкой вышло облако дурманящего пара, то обежало меня и потянулось к чародею. Николай закашлялся, ладонь в бессильных попытках отмахивалась от смога. Арон стрельнул глазами в человека, потом взгляд упал на меня. И в

сознании засквозил вопрос симулякра, где таилось воздушное беспокойство.

— Мы сможем?

В руки скакнула кальянная трубка, откуда донеслась палитра вкуса ягод и фруктов. Носом пошел пар, где засквозили образы танцующих драконов. Опять закашлялся чародей, из-за чего на свет вышла улыбка, которую уже ничем не скрыть.

— Мы сможем.

В том же ритме Арон забурлил кальяном.

Я же указал в Николая.

— Что думаешь, чародей? Десять лет службы у Наследника Воздушных планов, а потом ты сможешь пожелать, чего душе угодно. И пусть шайтан мне будет братом, если я посмею обмануть меня.

С последними словами кальян забурлил подобно кипящей воде. Арон закашлялся, рассматривая потолок. Чародей прищурился, но высказываться не стал. Его руки скрестились на груди, а голова склонилась, пряча взгляд. Николай простоял так несколько минут. Я же его не отвлекал.

Когда кальян стал отдавать гарью, его унесла незримая сила. А вместе с ним прочь улетели тарелки и блюда. Я проводил истинным зрением силуэты слуг, после чего мое внимание прикипело к Николаю.

По центру его ауры, под сердцем, горел магический источник, чей оттенок переходил от цветов малинового заката, до бурой смеси крови и земли. Источник походил на шар, размером с голову. Внутри кружили крошечные точки звездами далеких галактик. Они летали вокруг центра, сияющего и искрящего ярче остальных светлячков. Настолько ярко, что мое зрение подернулись рябью, а потом глаза стрельнули болью.

Со сцепленными зубами я зажмурился и отвернулся. Спасительная темнота позволила переждать те секунды жжения, от которых по телу пробежался предательских холод. Возникла мысль, что я лишился истинного зрения, а то и вовсе потерял способность видеть, но, стоило проморгаться, и комната заиграла в том же цвете, как и раньше.

"Впервые вижу такой эффект. Любопытно."

Николай окликнул меня. Когда я повернулся, то увидел, как неотрывно он что-то высматривал. Пристальный взгляд встретился с моим, его, горящие красным пламенем глаза, пульсировали в такт дыханию. Рядом витало возмущение силы. Те самые звезды собрались и закружили вокруг сжатого кулака чародея, магический круг рос в диаметре, уже проглядывались всполохи огненной стихии.

Сзади грохнулся за диван Арон, на нем фиолетовым вспыхнул барьер. Доспехи Агатиса, наполненные до максимума, сомкнулись на симулякре второй кожей. Арон собрал в глазах мистический заряд, готовый сорваться в чародея.

На происходящее Николай хмыкнул. Огонь уже превратился в раскаленный шар, заклинание висело над ладонью.

— Какие-то вы пугливые, господа. Наследник, — он глянул на меня так, точно меня можно сжечь взглядом. — Я могу выглядеть простаком, но я дворянин. И мне, как магу и аристократу, не пристало давать присягу на верность первому встречному. Тем более, демону.

Мы с Ароном переглянулись. Я закончил подготовку к заклинанию.

Николая перекосило, лицо накрыла тень. Глаза горели.

— Поэтому я предлагаю следующее. — Ладонь поднялась над головой. — Я не буду служить вам. Но мое время, моя помощь, мои услуги — я помогу вам всем, чем смогу. При следующих условиях.

— И каких же? — Я остановил Арона знаком. Рано еще убивать парня.

— Во-первых, я не буду нарушать присягу государю и престолу. Во-вторых, я не буду действовать во вред отечеству, не раскрою тайн и не поделюсь секретами, будь они семейные или нашей страны. В-третьих, вы спасете моих сослуживцев и людей, кому угрожает опасность. И последнее: вы поможете нам разбить красноармейцев. И пусть хоть один пункт соглашения будет нарушен, я сожгу ваше проклятое тело в магическом огне.

Тело мага покрылось огнем. Подобно факелу он источал пламенный свет, играющий языками как хвостами десятка демонов. Раскаленный взгляд всю речь концентрировался на мне, грозя проплавить дыру. Над Николаем собралось маленькое солнце и ждало момента, чтобы рвануть плазменным взрывом.

Челюсть окаменела от напряжения, дышалось тяжело, нутро горело от обжигающего воздуха, и даже пот выпаривало, будь то даже маленькая капля. Я мысленно обратился к Арону:

— Я могу убить его прямо сейчас. Но он нам нужен. — Позади выругались на Дьявольском наречии. — Брат, мне тоже не нравятся его условия. Только когда мы будем ловить другого мага?

— Мы еще пожалеем об этом.

— Да. Пожалеем. Он пожалеет еще больше.

Арон хмыкнул.

— Именно поэтому я его не прикончил сам. Сын шайтана и шлюхи. — Симулякр отпустил накопленную энергию и принялся зачитывать другое заклятие. — Тогда, нам нужен *Обет*.

Я кивнул Арону. Затем обратился к Николаю:

— Ты много просишь, чародей. Но требования справедливы. — Остудил я пыл дернувшегося мага. — Николай, договор не может быть односторонним. Более того, ты не отплатил мне за воскрешение. Поступим так, как я не буду вредить твоему дому, согласно уговору, так и ты будешь препятствовать всему, что навредит мне. Согласен? Хорошо. Дальше, в первую очередь, будешь выполнять мои требования. И это не фигура речи!

— У меня присяга…

— Меня не волнует присяга! — От крика Николай отступил пару шагов. — Мы говорим не о клятве в верности, а о работе! В твоих же интересах сделать так, чтобы задача, которую я

поручу, исполнилась в кратчайшие сроки и в лучшем виде. Это понятно?!

— Да. Приемлемо.

Медленно затухало пламя, исчезла удушающая гарь. Перестала бить в лицо жара, и кожу омыла нежная прохлада. Магия растворилась. Николай вернулся к прежнему облику, если не говорить о его сияющей наготе и лысине.

Я следил за каждым шагом мага.

Николай прошлепал босиком к подушкам, где и уселся:

— Что насчет третьего и четвертого условия?

— Объяснять своим, как и почему я помог, будешь сам. И когда тебе удастся убедить свое командование выслушать меня, мы поговорим о четвертом пункте нашего договора. Без тебя.

— А если не договоритесь?

— Боишься, что я найду подход к вашему противнику?

Чародей фыркнул.

— Опасаюсь. — Рука потянулась оправить усы, но пальцы нащупали лишь пустоту. — Господи помилуй, мои волосы.

Когда Николай отвлекся, Арон подал мне сигнал. Все готово.

Я подскочил к магу. Рука коснулась лба. Взгляды встретились.

— Спи.

Маг хрипнул и дернулся. Глаза закатились. Он рухнул, падая в сон.

Рука стерла выступивший пот. Я обратился к Арону:

— Я почти закончил собирать силу для *Вещего сна*. Как только окажешься в его грезах, сразу используй *Обет*. Придумал условие?

Симулякр потянулся:

— Да, брат. Он не сможет ни делом, ни умыслом причинить нам вред. После того, как заклинание вступит в силу, я изменю ему память.

— Превосходно. Удачи. — Пальцы нарисовали в воздухе символ древнего бога снов и дремы, после чего контур заклинания сошелся в финальной точке. В глазах разом пожелтело от светового эффекта магии.

Только рука коснулась Арона, как того вырубило.

Я подхватил брата и уложил на диван, дальше путь лежал в пространство лампы. Меня перенесло к стеклянному сосуду, где лежал двойник. Молодой клон, изредка вздрагивая, плавал в специальном растворе. Недолго думая, я направился ко второму сосуду, тому, где находилось вместилище для симулякра.

На расстоянии вытянутой руки перед глазами завис кусок свежей плоти. Кожа и мясо Николая — я снял их еще в тот вечер, когда мы с Ароном воскрешали ублюдка. Плоть существа являлась важным компонентом для создания двойника, особенно в том случае, если речь шла о копировании организма из другого мира. Банальная предусмотрительность.

Я собирался создать клона Николая для того, чтобы проверить пару гипотез, а заодно проявить осторожность в исполнении наших планов.

Ситуация показала, чародей — ненадежный союзник. *Обет* — сильное заклинание, но не абсолютное. Я слышал истории о том, как существа избегали наказание за то, что нарушили условие проклятия или магического контракта. Матушка рассказывала о двадцати случаях, известных только у дьяволов. Поэтому неудивительно, что у меня не было желания проверять, сможет ли Николай переиграть нас.

Да, сотворение двойника.

Я выпустил магическую силу в кусок плоти. По щелчку пальцев бесформенное мясо превратилось в подобие алого младенца. Раздался плеск, эмбрион погрузился в зеленый раствор. На сосуд надвинулась крышка с рунами магической защиты.

Я вгляделся истинным зрением в творение. Увы, эмбрион чародейскими задатками не обладал. По крайней мере, пока.

Что же, гипотеза о том, что можно вырастить двойника чародея с готовым магическим центром, пошла крахом. Где крылась ошибка — сказать трудно. Требовалась информация, записи волшебников, работающих с химерами и гомункулами. Таких трактатов в моей коллекции не хранилось. С другой стороны, намечался примерный курс для исследований по этой теме. Возможно, я был первопроходцем. Оставалось гадать и готовиться.

Как я закончил с заклинанием, со мной телепатически связался Алый стриж. Фамильяр пересылал мыслеобразы, рисующие фигуру обнаженной эльфийки. Мстислава пришла в себя. И то, что с ней происходило, сулило неприятности.

http://tl.rulate.ru/book/116168/4565490